

ОТЗЫВ
официального оппонента
о диссертации Владислава Сергеевича Коренька
«БЕОТИЙСКИЙ ПОЛИС ПЛАТЕИ В КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД
ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ»,

представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 5.6.2 – Всеобщая история

Диссертация Владислава Сергеевича Коренька посвящена актуальному направлению в современном антиковедении: исследованию особенностей развития полисной культуры. Мир городов-государств (полисов) классического греческого мира не был ограничен лишь несколькими моделями развития полисной культуры, например, афинским или спартанским образцами, но выглядит более разнообразным. Так, не укладываются в вышеприведенные примеры Коринфский, Фиванский и ряд других полисов, что проанализировано и широко представлено в соответствующих научных исследованиях. В своей диссертации Владислав Сергеевич сосредоточился на весьма интересном полисе – Платеях, который географически оказался на краю Беотии у Киферонского хребта, что являлось пограничьем с Аттикой, а значит и на стыке между афинской и беотийской/беотийскими полисными культурами. Этот фронтирный характер Платейского полиса и исследован В.С. Кореньком в данной диссертации, что безусловно представляется актуальным и сравнительно новым в рамках изучения древнегреческих полисов. Это изучение неминуемо имеет междисциплинарный характер, ведь пограничное географическое положение сообщества полисного характера неизбежно отразится на самых разных сферах полиса: от политико-экономической и культурно-религиозной до военной составляющих.

Диссертационная работа Владислава Сергеевича Коренька имеет оригинальную структуру, которая логично выстроена и способствует раскрытию темы исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы, а также приложений.

Во Введении представлены актуальность темы исследования, объект и предмет, а также цель и задачи исследования, которые сформулированы логично и убедительно. Вероятно, третью задачу (охарактеризовать политическую систему полиса Платеи и отметить политические институты, существовавшие в данной общине), на наш взгляд, следовало бы поставить на первое место, ведь от политической системы полиса часто зависят и межполисные отношения, которые автор ставит на первое место при перечислении исследовательских задач. Однако, учитывая комплексный характер работы, это замечание носит лишь порядковый характер, не влияющий на структуру работы.

Хронологические и географические рамки исследования также выглядят обоснованными, но последние можно немного расширить, включив Халкидики

(северную Грецию), где в Скионе афиняне поселили платейцев после разрушения полиса в 427 г. до н.э.

Источниковая база исследования выглядит релевантной цели и задачам работы, а научная литература представлена широко и полностью соответствует заявленной теме. Введение заканчивается положениями, которые автор выносит на защиту. В целом с ними можно согласиться, а отдельные из них будут ниже подробнее разобраны. Что касается Введения, то, на наш взгляд, здесь могли бы выгодно смотреться, в том числе, положения, где среди платейских полисных характеристик содержатся, как считает автор диссертации, элементы как афинской, так и беотийской полисных культур.

В первой главе «Политическая, социальная и сакральная жизнь Платей в классический период», которая состоит из четырех параграфов, автор диссертационного исследования характеризует тенденции развития региона, выделяет его экономическое, географическое и политическое положение. Разбирается полисная организация Платей и их социально-экономическая составляющая. Кроме того, исследуется статус платейских граждан в афинском государстве во время вынужденной миграции в ходе событий V в. до н.э. на подконтрольные Афинам территории, включая, в первую очередь, собственно Аттику. В заключительном параграфе главы рассматривается сакральная сфера жизни Платей, где подчеркивается, что полис испытал влияние как беотийских, так и аттических религиозных традиций.

Вторая глава исследования «Военная история Платей V-IV вв. до н.э.», состоящая из двух параграфов, посвящена исследованию событий конфликта державы Ахеменидов с греческими полисами, истории платейцев во время Пелопоннесской войны и последующих событий уже IV в. до н.э.

Наиболее ценной, на наш взгляд, частью исследования является третья глава «Теоретическое обобщение истории Платейского полиса классического периода», в которой содержатся три параграфа. Так, параграф 3.1 «Беотийский подтип классического полиса и Платеи как его представитель (развитие концепции “city-state culture” М.Г. Хансена)» посвящен теоретическому построению М.Г. Хансена о культуре городов-государств классического периода. В рамках параграфа выделяется специфика отнесения Платей к общности полисов, и, главное, отмечается необходимость модернизации подхода М.Г. Хансена, поскольку оригинальная концепция не учитывает в должной мере региональные особенности полисных структур, в т.ч. платейских. Развитие последнего положения ведет к исследованию, которое содержится во втором параграфе главы «Платеи как фронтир между Беотией и Аттикой: применение теории Х. Элтона к территории Средней Греции». Здесь анализируется теория фронта Х. Элтона и возможность ее применения к Платейскому полису. Учитывая материал предыдущих глав и анализ сведений античных авторов, подчеркивается, что территория Платейского полиса является фронтиром, зоной перемещения гипотетической границы между Аттикой и Беотией, в том числе в политическом аспекте. В третьем параграфе

«Платеи как фронтир между аттическим и беотийским подтипами греческой полисной культуры (субкультурами полисов)» в результате объединения двух вышеперечисленных теоретических подходов, Платеи предстают именно как фронтир (зоной смещения границ). Автор делает вывод, что данная пограничная зона разделяла не просто регионы или политические единицы. В Платеях находилось пограничье между аттическим и беотийским подтипами греческой полисной культуры классического периода.

В Заключении обобщены выводы по результатам исследования, с которыми мы в основном склонны согласиться, а в Приложениях приводятся материалы, поясняющие исследовательский материал диссертации.

Отметим некоторые сильные стороны диссертации, которые показались нам наиболее заслуживающими внимания. Первое на что мы бы хотели обратить внимание, это глубокая теоретическая ориентация работы. Зачастую это может являться минусом, но в данном случае это именно значимая положительная сторона исследования. Сама природа данного исследования происходит из изучения двух весьма интересных подходов к изучению сообществ и политических структур в их связи с культурными системами, которые включают различные акторы, действующие на эти системы, в том числе – географический, как один из основных, что выделяет Платеи из сотен других полисов. И этому посвящена третья глава исследования, которая является надстройкой, где концентрируются выводы. Однако, первые две главы составляют ту самую источниковедческую и традиционную исследовательскую базу, на которой покоится эта надстройка, что служит надежным аргументационным каркасом для теоретических построений. Таким образом, Платеи действительно являлись своеобразным представителем беотийского подтипа греческой полисной культуры классического периода. Это аргументируется как соответствием Платейской общины критериям полисной культуры, сформулированным М.Г. Хансеном, так и особенностями проявления этих критериев, а также подкрепляется нарративной традицией, археологическим материалом, эпиграфическими источниками, а использование концепции фронта Х. Элтона позволяет сделать вывод о том, что в силу экономических, политических, культурных и религиозных особенностей, территория беотийского полиса Платеи обладала пограничным характером и являлась фронтиром.

Второй сильной стороной работы является довольно широкий список использованной научной литературы, где упомянуты основные современные исследования о Платеях, включая сравнительно недавно вышедшую масштабную работу Konecny A., Aravantinos V., Marchese R. *Plataiai. Archäologie und Geschichte einer boiotischen Polis*. Wien: Österreichisches Archäologisches Institut, 2013. Кроме того, хотелось бы отметить и работы отечественных исследователей, которые также были учтены диссертантом, в том числе не только наших современников, но и исследователей дореволюционного времени, а также советских ученых, которые внесли свой вклад в разработку темы или смежных с темой исследования вопросов: от М.С. Куторги до С.Я. Лурье и В.Ф. Кутергина.

Заслуживающими особое внимание представляются нам несколько отдельных тем в рамках диссертационного исследования, где автор выдвигает ряд новых интерпретаций частного характера, но влияющих на исследование в целом. Так, на с. 87 автор диссертации прослеживает связь аттического дема Ахарны с Платеями. Непосредственно в этом деме была найдена стела с клятвой, которая вызывает исследовательский интерес, поскольку ее традиционно ассоциируют с битвой при Платеях 479 г. до н.э. Объект представляет собой посвящение святилищу Ареса и Афины Арее, что обусловлено военным происхождением текста (независимо от трактовки). Однако, в пользу именно «марафонских» истоков надписи, по мнению автора, говорит то, что Платеи стали ещё одним центром культа Афины Арее после Марафонской битвы. Из части добычи, которую выделили платейцам афиняне, беотийцы построили храм, посвященный Афине Арее (Paus. 9.4.1).

На с. 107 автор делает логичное, на наш взгляд, предположение об участии платейцев в битве при Артемиссии и далее их службе в афисском флоте в качестве морских пехотинцев.

На с. 113-115 автор критически разбирает подсчет М.Г. Хансена относительно количества платейских граждан в 431 г. до н.э. и, вероятно, может оказаться прав, «найдя» недостающее количество воинов, чтобы решить противоречие в источниках.

На с. 145-146 Владислав Сергеевич справедливо полагает, что в определенный момент времени – после разрушения Платей в 427 г. до н.э. – статус Платейского полиса был неоднозначен, и выдвигает гипотезу о параллельном существовании двух полисов, что на наш взгляд, можно было бы также сравнить с двумя параллельно существовавшими афинскими полисами, собственно с центром в Афинах и на о. Самос в 411 г. до н.э.

Тем не менее в диссертации есть также ряд положений, которые кажутся спорными или недостаточно обоснованными. Так, например, автор диссертации в разных местах подчеркивает малый размер Платейского полиса и его социума, употребляя следующие выражения: «малый социум» (с. 3), «небольшая беотийская община» (с. 50), «маленький город» (ссылаясь на Фукидида (Thuc. 2.77.2), с. 142), «маленький беотийский город» (с. 167), «маленький городок в Парасопии» (с. 170). Вопрос о размерах Платей весьма непростой, но исходя из существующих данных, не только нарративной традиции, но и археологических, можно сделать несколько выводов о размере этого городского центра. Первый вывод заключается в том, что размер города менялся на протяжении архаического и классического времени. Так, Джон Бинтлиф, анализируя размеры городских центров Беотии, основываясь на площади, заключенной в окружности городских стен, делит города Беотии классического времени на три категории (А, В и С). В категорию С попадают действительно малые поселения Беотии, которые составляют менее 20 га (большинство сильно меньше): например, Сифы, Элеон, Хорсии, Аскра, Евтресис и, вероятно, Гиетт. В Парасопии сюда бы попали Гисии, Эрифры и Скол. В категорию В попадают более крупные центры от 20 до 50 га, например, Копы,

Херонея, Анфедон, Галиарт, Фисба, в то время как в категорию А, которую составляют крупные по беотийским меркам города размерами от 50 до 100 с лишним га, например, Коронея, Танагра, Феспии, Орхомен и Платеи. Однако, все они не могут соперничать с Фивами размер которых составляет более 300 га. Что касается Платей, то Бинтлиф оценивает их городскую площадь классического времени ок. 80 га (Bintliff J. L. *Territorial behaviour and the natural history of the Greek polis* // *Stuttgarter Kolloquium zur Historischen Geographie des Altertums*, 4 (E. Olshausen and H. Sonnabend eds.). Amsterdam: Hakkert Verlag, 1994. P. 207–249, fig 29). Это подтверждают исследования под руководством Андреаса Конекни, который заключает, что фортификация Платей, созданная в 330-е гг. до н.э. (после 338 г. до н.э.) охватывала 85 га (Konecny A.L., Boyd M.J., Marchese R.T., Aravantinos V. *The urban Scheme of Plataiai in Boiotia: Report on the Geophysical Suevey, 2005-2009* // *Hesperia* 2012, Vol. 81, No. 1. P. 93-140). Однако, приведенные Бинтлифом данные относятся к IV в. до н.э., поэтому в V веке, учитывая непростую историю с разрушениями Платей, размер города мог быть меньше. Конекни предполагает на основе остатков кладки, характерной для ок. 500 г. до н.э., что раннеклассическая стена Платей могла окружать 20 га (Konecny A., Aravantinos V., Marchese R. *Plataiai. Archäologie und Geschichte einer boiotischen Polis*. Wien: Österreichisches Archäologisches Institut, 2013. S. 58-61). Это ставит Платеи времен осады в Пелопоннесской войне на уровень городов В даже для IV в. до н.э. Отметим, что весьма крупный беотийский полис Феспии, который попадает в категорию А, в период похода Ксеркса мог выставить 700 феспийцев, которые погибли под Фермопилами и 1800 уцелевших Феспийцев, которые были в битве при Платеях в 479 г. до н.э. В 490 г. до н.э. платейцы выставили в битве при Марафоне 1000 человек, что, конечно, меньше, чем могли выставить в это время феспийцы, но даже эти цифры показывают, что тогда это не был маленький полис. На наш взгляд, афиняне сделали ставку среди поселений Парасопии именно на Платеи, поскольку он был самым крупным центром этого региона, что превращало его в важнейшего союзника Афин. Когда же Фукидид (Thuc. 2.77.2) в контексте событий 429 г. до н.э. называет Платеи «город, бывший невелик» (πόλις οὖσαν οὐ μεγάλην), он вряд ли имеет в виду, что это сам по себе маленький город. Он невелик по сравнению с Афинами или Фивами и, как считал Архидам, был по своему размеру пригоден для той тактики, которая была нужна (Архидам собирался сжечь город).

Неясной является методика подсчета количества упоминаний Платей в трудах античных авторов. Диссертант пишет на с.7, что Платеи или их граждане примерно 40 раз упоминаются в труде Геродота. Далее следуют указания на места из произведений, где эти упоминания присутствуют. Тем не менее только поиск по лемме Платеи уже дает 21 упоминание. Если автор добавит сюда все упоминания имен граждан Платей, то, может получиться цифра больше, чем 40. Кроме того, надо учесть, что к искомым упоминаниям могут быть отнесены также и местоимения, а значит итоговая цифра может быть значительно выше. Таким

образом, следовало бы четко обозначить, что диссертант считает упоминанием и обозначить методику подсчета этих упоминаний.

В другом месте Владислав Сергеевич явно ошибается с подсчетом. На с.11 диссертант пишет, что Проксен (беотийский военачальник) упомянут в «Анабасисе» Ксенофонта «примерно 9 раз». В действительности его имя упомянуто 23 раза, что можно проверить по TLG. В 2019 году автор этого отзыва вручную провел подсчет упоминаний имени Проксена и насчитал 24 упоминания, возможно, что ошибся на одну единицу, хотя следует проверить конкретные издания текста, которые были использованы при подсчете (Можайский А.Ю. Образ фиванцев в сочинениях Ксенофонта // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2019. № 13.2. С. 580–595).

На с. 49 Владислав Сергеевич отмечает, что «несмотря на принадлежность Платейской общины к беотийским городским центрам, непосредственно в тесные отношения с Фиванской общиной полис вступал либо в ходе военных противостояний, либо в рамках насильственного подчинения территории полиса власти Беотийского союза». Нам представляется, что данное утверждение может быть результатом исследования афиноцентричных источников, каковых подавляющее большинство. Таким образом, историку виден в основном верхний пласт взаимодействия между гражданскими коллективами беотийских полисов через афинский взгляд, что неминуемо будет выглядеть как борьба беотийских общин с фиванцами. В рамках этого взгляда практически не будет видна разница между взаимодействием фиванцев с орхоменцами, феспийцами или платейцами, а сохранившиеся нарративные источники показывают центробежные тенденции этих общин. Тем не менее, не приходится сомневаться, что были и другие формы взаимодействия: брачные союзы между представителями сообществ, взаимодействие при отправлении общих религиозных культов, до какой-то степени внутрибеотийское политическое взаимодействие и т.д. Даже в рамках военного противостояния видны отголоски другого рода взаимодействия. Так, в 431 г. до н.э. фиванцев призвали и открыли им платейские ворота граждане Платей – Навклюд и его сообщники – которые хотели взять власть в свои руки. Фукидид сообщает, что «совершили же они это через Евримаха, сына Леонтиада, могущественнейшего мужа фиванского» (ἐπραξαν δὲ ταῦτα δι' Εὐριμάχου τοῦ Λεοντιάδου, ἀνδρὸς Θηβαίων δυνατοτάτου) (Thuc. 2.2.3). Как видно, Евримах обладал связями с аристократами Платей, которые хотели захватить власть в своем городе. Эти связи не могли возникнуть мгновенно в 431 г. до н.э. Вероятно, здесь были давние родственные связи, которые приоткрывают скрытый от исследователей пласт взаимодействия между беотийскими сообществами.

На с. 58 говорится, что «в 424 г. до н.э. беотийское войско окончательно ликвидировало афинскую угрозу региону в сражении при Делии, в результате которого все беотийские общины подчинились Фивам». Насчет подчинения всех беотийских общин Фивам вопрос дискуссионный, но то, что реальная афинская угроза для региона оставалась, несмотря на разгром беотийцами афинских войск,

подтверждается разорением беотийского Микалесса силами наемных фракийцев под командованием афинянина Диитрефа в 413 г. до н.э. (Thuc. 7.29.1-5). Для кровавых рейдов в соседний регион, а тем более в пограничье, не требовалось столь внушительной афинской силы, которая действовала во время битвы при Делии.

На с. 67-68 диссертант приводит далеко не полный список личных имен платейцев: их можно найти больше даже для 5-4 вв. до н.э. Причем неучтенные Владиславом Сергеевичем имена можно обнаружить не только по надписям, но и у классических авторов. Для этого следует обратиться к лексикону личных имен по центральной Греции (Fraser P.M., Matthews E. (eds.). *A Lexicon of Greek Personal Names*. Vol. III. Oxford: Clarendon Press, 2000). Например, неучтенные платейцы классического периода, чьи имена начинаются на А:

1. Аммей, сын Кореба, который был во главе платейцев, переходивших тайком через укрепления лакедемонян в 428 г. до н.э., Thuc, 3.22.3.
2. Аниократ – IV-III вв. до н.э.
3. Аполлодор – 427-403 гг. до н.э.
4. Аристион – IV в. до н.э.
5. Аристобул – IV в. до н.э. Aesch.3.162.

Итоговым значимым замечанием будет следующее: на с. 73 автор диссертации обращается к Оксиринхскому отрывку, где приводится конституция Беотийского союза, но далее Владислав Сергеевич переходит на чрезмерный уровень обобщения, из которого может сложиться впечатление, что организация этого союза была в основных чертах неизменной на протяжении всего классического периода. Диссертант отмечает, что автор Оксиринхского отрывка «пишет о союзе, который существовал в регионе в IV в. до н.э. Однако имеются основания предполагать, что упоминаемые в сочинении органы союзного управления сформировались значительно раньше и функционировали еще в VI в. до н.э.». Некоторые исследователи так полагают, но хорошо было бы привести литературу по этому вопросу и отметить противоположную точку зрения. Дело в том, что даже о союзе, который существовал в IV в. до н.э., существуют весьма противоречивые данные. Так, союз, который описан в Оксиринхском отрывке и Беотийский союз времен Эпаминонда очевидно сильно различались по разным параметрам. Исследователи не могут прийти к единому мнению даже относительно того, имела ли новая конституция времен Эпаминонда демократический или, все же, прежний олигархический характер (ср. с.126, где автор диссертации пишет, что система управления этого союза известна). Что же касается союза конца VI и V вв. до н.э., то и здесь мнения исследователей о характере этого союза сильно разнятся: от принципов амфикистии до различных вариантов военно-политического взаимодействия в разные периоды. Подробную библиографию по этим вопросам можно посмотреть в работах известного диссертанту Ганса Бека (Hans Beck).

Далее обратимся к замечаниям меньшей значимости, многие из которых являются недочетами технического или случайного характера, которые легко поправимы, но все же должны быть здесь отмечены.

На с. 20, а также на с. 168 отмечено, что из-за многочисленных разрушений городского центра, сохранным оказалось гораздо меньшее количество археологического материала, чем в иных поселениях. Это, на наш взгляд, не так. Скорее наоборот, Платеи не были сильно застроены после античного времени, что позволило изучить город достаточно результативно по сравнению со многими другими поселениями.

С. 22 – автор отмечает вклад Юлиуса Белоха в исследование народонаселения Беотии, но с тех пор этот вклад значительно пополнился, например, исследованиями Джона Бинтлифа.

С. 23 – описка в Имени Соломона Яковлевича Лурье.

С. 40 – Фабьен Маршан – швейцарская исследовательница, у автора же в мужском роде.

С. 53 – следовало бы унифицировать написание географических названий. Если Асоп, то не Кефиосос, а Кефис и т.д. Могут быть исключения, которые следует оговорить. Также следовало бы унифицировать написание имен исследователей: Э. Бадиян и Э. Бэдиан, Р. ван Вийк и Р. ван Вейк. Также сокращение источников: Геродот (Hdt., но в работе встречается и Hrd.).

С. 63, а также с. 74 – автор пишет о керамике, найденной в Платеях, но не указывает датировки, не указывает типы и качество, но при этом упоминает, что она имитирует коринфскую и аттическую, а это запутывает читателя, поскольку непонятно, о каком периоде идет речь. Для дальнейшей работы это место следует выверить и дать ссылки на соответствующие исследования. На с. 209 в приложении приведены образцы краснофигурной керамики, тогда как подпись сообщает, что это чернофигурная керамика.

С. 98 – говоря о платейских культах, автор не использует работу Альберта Шахтера о культах Беотии, хотя она есть в библиографии.

С. 101 – опечатка в диакритике (γῆ καὶ ὕδωρ).

С. 159-160 – автор смешивает святилища региональные с местными. Так, автор отмечает: «Для населения Аттики наиболее важную религиозную роль играли Панафиней и Элевсинские мистерии, основными святилищами предстают (кроме общегреческих) Элевсин, Сунион и, безусловно, Парфенон, в то время как для беотийцев ключевую роль в религиозной сфере играли святилища Аполлона Исмения, Деметры Законодательницы и региональный праздник Великих Дедалов». Смешение заключается в том, что, например, святилище Аполлона Исмения в классический период в основном играло ключевую роль именно для фиванцев. Если уж говорить об общебеотийской составляющей, то следовало бы упомянуть святилище Посейдона в Онхесте.

С. 160 – автор пишет, что в Беотии Фивы единственные в микенскую эпоху функционировали как дворец, но это не так. Достаточно вспомнить Орхомен, а также сложное для интерпретации место Гла (размером в 20 га!) в центре Копайдского озера. Быть может, последнее место не было собственно административным центром, но тогда принадлежало Орхомену.

С. 163 – где речь идет об исчезновении греческой «полисной культуры», что автор отнес ко времени «кризиса полиса и Македонского завоевания». Этот вопрос весьма дискуссионный.

Тем не менее эти отмеченные недостатки и опечатки не умаляют достоинства работы. Кроме того, считаем, что теоретические построения и отнесение Платей к подтипу полисной культуры, носящему фронтальный характер, изложенные в диссертационной работе, имеют перспективу к дальнейшему исследованию. Вопрос о том, насколько такой подтип характерен для греческой цивилизации, и поиск ближайших параллелей являются, на наш взгляд, закономерными направлениями будущих исследований, на которые диссертационная работа Владислава Сергеевича Кореньяка может оказать влияние.

Диссертация соответствует требованиям, предусмотренным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. N 842 г. (редакция от 16.10.2024, с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 01.01.2025).

Официальный оппонент,
кандидат исторических наук,
доцент Института классического
Востока и античности ФГАОУ ВО
«Национальный исследовательский
Университет «Высшая школа экономики»»

Можайский Андрей Юрьевич

27 июля 2026 г.

Адрес места работы:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 105066, Москва, ул. Старая Басманная 21/4, стр. 3.

Тел.: +7 (495) 772-95-90 * 15068; e-mail: fgn@hse.ru

Контактные данные:

тел.: +7 (964) 513-82-47; e-mail: amozhayskiy@hse.ru

СПЕЦИАЛИСТ
ПО КАДРОВОМУ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВУ
УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛА
ВЕЛЕСОВА Е.В.

27.07.2026

Подпись заверяю